

Ф. И. Успенский

**Записки Императорского Новороссийского
университета**

Том 32. Филипп Карлович Брун, 1804-1880 гг.

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. И. Успенский**
Записки Императорского Новороссийского университета: Том 32. Филипп Карлович Брун, 1804-1880 гг. / Ф. И. Успенский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-518-07174-2

ISBN 978-5-518-07174-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Филиппъ Карловичъ Брунъ

(1804—1880 гг.).

Орд. проф. О. И. Успенскаго.

Воспоминаніе о продолжительной и разносторонней дѣятельности Филиппа Карловича является долгомъ благодарной признательности къ заслугамъ его. Только двухъ мѣсяцевъ не дожилъ онъ до пятидесятилѣтія непрерывной педагогической дѣятельности, при чемъ въ теченіи сорока пяти лѣтъ соединялъ съ преподавательской научную дѣятельность. Этотъ продолжительный, весьма рѣдкимъ выпадающій на долю періодъ учебной и ученой службы, всецѣло посвященъ южнорусскому краю, который въ покойномъ Филиппѣ Карловичѣ имѣетъ самаго энергическаго выразителя своихъ научныхъ нуждъ и задачъ, самаго неутомимаго изслѣдователя своихъ прошедшихъ судебъ. Новороссійскій университетъ считаетъ двухъ профессоровъ, ставившихъ предметомъ своей ученой дѣятельности мѣстную исторію, географію и археологію — В. И. Григоровича и Ф. К. Бруна. Эти два лица, составляющія честь и славу нашего университета, одинъ за другимъ сошли въ могилу, завѣщавши младшему поколѣнію ученыхъ силъ края возвышенныя научныя задачи.

I.

Въ Филиппѣ Карловичѣ Брунѣ нашли сочетаніе весьма привлекательныя качества человѣка и ученаго, чѣмъ обуславливается цѣльный симпатическій образъ, какой создается при этомъ

имени у всѣхъ, имѣвшихъ случай знать его. Постоянное направление ума въ одну и ту же область научныхъ вопросовъ неминуемо влечетъ за собой ограниченіе кругозора и особеннымъ образомъ вліяетъ на характеръ внѣшнихъ отношеній человѣка. Въ общежитіи извиняютъ ученому многое, за что порицаютъ другихъ, но точно также въ общежитіи эпитеты сухой и скучный слѣдуютъ по пятамъ за ученымъ. Смпатическій образъ Бруна, носящійся передъ нашимъ взоромъ, не чуждъ типическихъ чертъ, соединяемыхъ съ представленіемъ объ ученомъ, но въ этомъ образѣ есть много привлекательнаго и сочувственнаго. Самою живою чертой его характера нужно признать чуткость и отзывчивость на все, что есть въ человѣкѣ человѣчнаго. Въ этомъ было большое его преимущество, обуславливаемое быть можетъ тѣмъ родомъ вопросовъ, широкихъ по своему существу, которымъ посвящена была его пытливая и безустанная дѣятельность. Какъ ни спеціальны его ученые труды, по большей части публикѣ неизвѣстны и недоступны, они предпринимаемы были или по требованіямъ современной жизни, заявлявшимъ запросъ на его знанія и научную опытность, или по побужденіямъ его духа, стремившагося дать себѣ отчетъ въ загадкахъ, которыя возникали передъ нимъ. Его живая и отзывчивая натура способна была безустанно ставить вопросы и стремиться къ разрѣшенію ихъ.

Многими изъ преимуществъ, необходимыхъ для успѣха въ томъ дѣлѣ, которому посвящена была вся жизнь его, въ особенности же настойчивостью и выдержкой въ трудѣ — Брунъ обязанъ своему происхожденію и хорошей школѣ. Равно лишившись отца и матери, принадлежавшихъ къ купеческому сословію во Фридрихсгамѣ, онъ помѣщенъ былъ въ извѣстной тогда въ Петербургѣ пансіонѣ Муральта, въ которомъ и получилъ общее образованіе. Отсюда въ 1821 г. перешелъ въ Дерптскій университетъ и зачислился по философскому факультету. По окончаніи курса университетскаго образованія кандидатъ Брунъ поступилъ на службу по министерству финансовъ, въ Петербургѣ, гдѣ оставался весьма впрочемъ не

долго. Въ тѣсномъ кружкѣ онъ дѣлился иногда воспоминаніями, вынесенными изъ грозныхъ событій 1825 года, часть которыхъ совпадала съ его пребываніемъ въ Петербургѣ.

Отмѣтимъ сейчасъ же черту, которая весьма живо рисуетъ будущаго одесскаго ученаго и которая подала поводъ къ весьма распространенному на его счетъ анекдоту. Будучи лично знакомъ со многими изъ декабристовъ и храня въ памяти любопытные факты изъ того времени, онъ очень рѣдко и съ большою осторожностью позволялъ себѣ вдаваться въ такія воспоминанія. Вообще въ разговорахъ о политикѣ былъ весьма робокъ и застѣчивъ. Кому не извѣстенъ рассказъ о томъ, какъ Брунъ, перепуганный и волнующійся, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы форменномъ сюртукѣ, на ухо сообщалъ своимъ товарищамъ по лицу, что товарищъ министра Норовъ, рѣзисовавшій университеты, *по слухамъ выехалъ уже изъ Казани!*

Подготовительной школой для послѣдующей ученой дѣятельности и виѣсть большимъ благомъ для Бруна было то, что онъ въ концѣ декабря 1825 г. получилъ отпускъ за границу и пробылъ внѣ Россіи два съ половиною года. Разъ мнѣ случилось видѣть его за границей, именно въ Берлинѣ въ 1876 г. Правда, въ это время Брунъ былъ уже украшенъ сѣдиной и пользовался авторитетомъ ученаго и спеціалиста въ такой области, которая имѣетъ не многихъ представителей въ Германіи. Его съ почетомъ привѣтствовали ученые общества и друзья науки, интересуясь его предпріятіями и его сужденіями. Меня поразило тогда избытокъ силъ, который въ немъ сохранился до преклоннаго возраста и та живость и энергія, не замѣченная мной ранѣе, которая выказалась въ Берлинѣ. Какъ рыба, вновь опущенная въ воду—Брунъ пашель въ пѣмецкомъ обществѣ свою стихію. Можно догадываться, что эта стихія была для него еще привлекательнѣе въ молодыхъ годахъ, когда онъ штудировалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ и Боннѣ, слушалъ Гегеля и имѣлъ счастье представиться Гёте и провести съ нимъ въ бесѣдѣ $\frac{1}{4}$ Stündchen,

какъ о томъ записано въ его дневникѣ. По всей вѣроятности, этимъ путешествіемъ не опредѣлялась еще будущая дѣятельность Бруна, хотя уже было намѣчено ея направленіе. Не служба въ департаментахъ и канцеляріяхъ, болѣе выгодная и несомнѣнно могущая сулить болѣе благъ—тянула его къ себѣ, и не служба съ помощью протекцій и благосклоннаго вниманія, въ которыхъ не могло быть недостатка въ Россіи для образованнаго молодого человѣка и притомъ нѣмецкаго происхожденія.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ пристроился на полтора года въ департаментъ мануфактуръ и торговли. Къ этимъ занятіямъ онъ не могъ не считать себя приготовленнымъ, такъ какъ за границей удѣлялъ значительное вниманіе изученію политической экономіи и статистики. Вообразите Бруна чиновникомъ департамента, будь это чиновникъ высшаго ранга, составляющій проекты и направляющій административную машину, или стоящій не у важныхъ дѣлъ — столоначальникъ или письмоводитель: сколько нерѣшительности, сколько невѣдѣнія практическихъ потребностей и неумѣнья извернуться и хоронить концы въ воду, а наконецъ — какая масса опущеній и неисправностей, напр. въ поступленіи бумагъ и въ отчетности! — Былъ случай, что Бруна потомъ приглашали къ участию въ администраціи въ Ришельевскомъ лицей и въ обществѣ исторіи и древностей. Говорятъ, что въ первомъ случаѣ изъ страха за опущеніе какихъ-то формальностей, онъ чуть не лишилъ себя жизни. Во второмъ — по случаю заупущенія отчетности принужденъ былъ преждевременно сложить съ себя должность. Такъ, и службу въ департаментѣ онъ долженъ былъ скоро оставить на всегда, какъ не согласную съ его характеромъ и наклонностями.

Съ 1830 г. начинается его педагогическая дѣятельность въ Витебской гимназіи. Условія жизни въ Витебскѣ, неблагопріятныя и въ иныхъ отношеніяхъ, сдѣлались тягостными по причинѣ извѣстнаго возстанія поляковъ въ 1831 г. Въ то же время братъ Филиппа Карловича Генрихъ Брунъ получилъ вѣсто въ

Одесскомъ Ришельевскомъ лицѣв (профессоръ физики и математики), что опредѣлило и его выборъ. Онъ поѣхалъ въ Одессу и въ 1832 г. вступилъ въ профессорскую корпорацію лица. Съ этого времени и до конца жизни Брунъ по справедливости занималъ видное мѣсто между учеными дѣятелями края и своими трудами на пользу просвѣщенія и науки снискалъ себѣ полное право на благодарную признательность многихъ и многихъ поколѣній. Одесса была свидѣтельницей начала и разцвѣта его плодотворной дѣятельности. Одесса можетъ съ гордостью указать на него какъ на достойнѣйшаго изъ гражданъ.

Уже въ 1854 г. Брунъ выслуживалъ свое двадцатипятилѣтіе, — предѣлъ котораго достигаютъ не многіе изъ братьевъ по оружію, между тѣмъ тогда едва только начала обозначаться та роль, которую ему суждено было играть въ русской наукѣ. Къ этой роли онъ подготовлялся продолжительнымъ опытомъ и упражненіями и, разъ взявшись за нее, прямо показалъ себя мастеромъ. Не безынтересно остановиться вниманіемъ на этомъ промежуточномъ періодѣ, когда Брунъ, поселившись на югѣ, постепенно приходилъ къ сознанію задачъ, предстоящихъ ему какъ археологу и географу. Вспомнимъ фактъ, рельефно отмѣченный имъ самимъ на выходномъ листѣ его «Черноморья». Работы по исторіи и географіи южнаго края начаты имъ съ 1852 года. Все написанное ранѣе этого времени онъ не считалъ особенно важнымъ и достойнымъ перепечатки. Итакъ, цѣлыхъ 20 лѣтъ жизни въ Одессѣ потребовалось для того, чтобы питать въ себѣ то священное пламя, которое не угасало до 1880 года. Этотъ первый и подготовительный періодъ далеко не плодovitъ въ литературномъ отношеніи. Официальное положеніе при Ришельевскомъ лицѣв въ качествѣ профессора политической экономіи и статистики и также обязательное сотрудничество въ занятіяхъ Одесскаго Статистическаго комитета — обусловливало направленіе его дѣятельности и давало богатую пищу его пытливому уму. Статистика и политическая экономія, къ которымъ такъ недо-

вѣрчиво относился впоследствии Филиппъ Карловичъ, очевидно, долго пользовались его расположеніемъ. Кромѣ нѣсколькихъ рѣчей о значеніи статистики въ среднемъ образованіи и въ кругу государственныхъ наукъ, онъ составилъ «Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ», вышедшее въ 1842 г. Въ тоже время на его долю выпало ознакомиться практически съ самымъ методомъ статистики и съ элементами, на которыхъ зиждутся ея выводы. Въ этомъ отношеніи нельзя не напомнить, что Брунъ долгое время велъ отчеты объ южномъ торговомъ движеніи, печатаемые въ Новороссійскомъ Календарѣ, еженедѣльные извѣстія объ одесской торговлѣ, помѣщаемыя въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Нужно вспомнить то время и понятъ затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться Брунъ, чтобы простить ему его нерасположеніе къ статистикѣ и недовѣріе къ ея выводамъ.

Учрежденіе въ Одессѣ Общества исторіи и древностей, поставившаго себѣ задачей открытіе, храненіе и объясненіе памятниковъ мѣстной старины, нужно считать счастливѣйшей эпохой въ исторіи русской науки. Общество собрало ученыя силы края и направило ихъ на достиженіе опредѣленныхъ задачъ. Брунъ также примкнулъ къ этому обществу и своими трудами не только способствовалъ къ раскрытію программы его, но и — безъ преувеличенія можно сказать — украсилъ его своимъ именемъ. Въ задачахъ, цѣляхъ и исторіи ученаго общества лежитъ разгадка энергической дѣятельности Бруна. Трудно сказать, общество ли оказало честь Бруну, избравъ его своимъ членомъ, или Брунъ обществу, помѣщая свои изслѣдованія въ его изданіяхъ. Первые труды его, помѣщенные въ I и II т. Записокъ общества исторіи и древностей, носятъ библіографическій характеръ — оцѣнка иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ географіи и исторіи южной Россіи. Самостоятельныя его изслѣдованія въ той же области начинаются съ пятидесятихъ годовъ, почти на канунѣ отставки за выслугой двадцатипятилѣтія. Здѣсь уместно будетъ выставить обстоятельства, безъ которыхъ дѣятельность Бруна не получила

бы того широкаго и плодотворнаго развитія, какое ей суждено было обнаружить впоследствии ко благу русской науки.

Находки играют весьма важную роль въ жизни обществъ и отдѣльныхъ личностей. Ученая находка иногда даетъ направленіе многимъ поколѣніямъ. Одесское общество можетъ похвалиться не одной такой находкой. Не дальше какъ годъ тому назадъ оно сдѣлало находку въ Херсонисѣ, на которую впрочемъ больше обратили вниманія за границей, чѣмъ у насъ. Во II т. Записокъ общества можно видѣть статью Беккера «Тирасъ и Тириты», написанную по поводу найденнаго передъ тѣмъ памятника въ Тираспольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Коротномъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра въ 35 в. отъ Тирасполя. Это мраморная плита вышиной въ 1 арш. 13 вершк., шириной въ $17\frac{1}{2}$ вершк. и толщиной въ $3\frac{1}{4}$ вершк., на лицевой сторонѣ ея надпись въ 45 строкъ. Последняя вводитъ въ событія и отношенія, касающіяся римскаго господства и вліянія въ черноморскомъ краѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, эта находка возбудила научное любопытство членовъ общества и, не удовлетворившись первыми объ ней свѣдѣніями, сообщенными Беккеромъ, нашъ Брунъ предпринялъ поѣздку къ мѣсту находки и результаты своихъ личныхъ наблюденій во первыхъ помѣстилъ въ III т. Записокъ общества, во вторыхъ сообщилъ издателю латинскихъ надписей въ Берлинѣ Моимсену. Изслѣдованія, стояція въ связи съ Тирасской надписью, составляютъ поворотный пунктъ въ дѣятельности Бруна. Съ этихъ поръ открылась передъ нимъ настоящая дорога кропотливаго труда, услаждаемаго внутреннимъ сознаніемъ успѣха и пользы для грядущихъ поколѣній.

Общество исторіи и древностей никогда не располагало значительными средствами и не могло ни поощрять платой ученые труды своихъ сочленовъ, ни вообще оказать имъ матеріальную поддержку. Вышедши въ отставку въ 1854 г., Брунъ сталъ получать пенсію въ 857 р., которая не могла удовлетворять насущныя потребности его многочисленнаго семейства. Выходъ въ отставку могъ имѣть роковое значеніе и

для его ученой карьеры, и для его матеріальнаго благосостоянія. Но тутъ и сказалась та выдержка и настойчивость, которою обладалъ Брунъ въ крупныхъ размѣрахъ. Не бросая частію начатыхъ, частію намѣченныхъ археологическихъ работъ, онъ принялся за преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ и за частные уроки. Не думаю, чтобы особенно прибыльны были эти занятія, такъ какъ въ это трудное время онъ долженъ былъ продать свой домъ, — на покрытіе расходовъ по потребностямъ жизни. Къ началу шестидесятыхъ годовъ безкорыстная научная дѣятельность бывшего профессора Рипельевскаго лицея, замѣченная уже за границей, обратила на себя вниманіе петербургскихъ высшихъ ученыхъ учрежденій, что не могло не оказать вліянія на дальнѣйшую судьбу его. Во первыхъ, результаты его изслѣдованій стали появляться въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ и вызывали лестные отзывы какъ въ изданіяхъ академіи, такъ и за границей. Во вторыхъ, Археологическая Коммиссія въ Петербургѣ почтила его предложеніемъ провѣрить на мѣстѣ показанія Геродота о Скиѣи. Это послѣднее предложеніе въ особенности должно было подѣйствовать на предприимчиваго ученаго весьма благотворно. Скиѣи Геродота останется всегда пробнымъ камнемъ въ археологіи южнаго края. Ознакомленіе съ элементарными требованіями критики, стоящими въ связи съ литературой Геродота, необходимо для русскаго археолога въ той же степени, какъ критика Тацита для нѣмецкаго археолога. Брунъ съ свойственною ему живостью и энергіей отнесся къ порученію Археологической Коммиссіи и подвергъ точному изученію литературу вопроса и строгому анализу извѣстія отца исторіи.

Въ связи съ этимъ трудомъ, поставившимъ прочно ученое имя Бруна, должно разсматривать существенное измѣненіе въ матеріальномъ его положеніи. Еще въ 1862 г. В. И. Григоровичъ, лучше другихъ могшій оцѣнить ученныя заслуги Бруна, обратилъ вниманіе на его трудъ «Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море» и высказался весьма сочувственно къ научной дѣятельности автора. Когда

Ришельевскій лицей былъ преобразованъ въ университетъ, ученая университетская корпорація отдала съ своей стороны справедливость Бруну, пригласивъ его въ университетъ для чтенія лекцій по исторіи. Это было впрочемъ заслуженное Филиппомъ Карловичемъ право, хотя нѣкоторыя существенныя съ формальной стороны обстоятельства препятствовали ему занять то положеніе въ университетѣ, на которое онъ имѣлъ право и по своимъ лѣтамъ и по ученому авторитету. Формальныя препятствія, о которыхъ мы говоримъ, заключались въ томъ, что шестидесятилѣтній Брунъ долженъ былъ сначала получить ученую степень въ русскомъ университетѣ, а потомъ уже могъ быть избранъ на штатную должность. Въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Бруну, весьма настойчиво указывается на холодное отношеніе Новороссійскаго университета къ ученымъ заслугамъ его и на интриги въ университетской корпораціи, имѣвшія слѣдствіемъ преждевременное устраненіе его отъ активнаго участія въ дѣятельности совѣта и факультета. Мнѣ представляется возможнымъ освѣтить этотъ вопросъ иначе. Уже самое приглашеніе Филиппа Карловича въ университетъ, хотя бы и исправляющимъ должность доцента, свидѣтельствуетъ о признаніи его ученыхъ заслугъ. Скажемъ болѣе, это почетное приглашеніе открыло ему такія средства къ продолженію научной дѣятельности, какихъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ частію потому, что посвящалъ много времени частнымъ урокамъ, частію же потому, что не имѣлъ подъ руками тѣхъ средствъ, какія могла ему предоставить университетская корпорація. Рѣдкія старыя книги и дорогія новыя изданія стало возможно пріобрѣтать ему именно только съ этого времени. Такъ что безспорно, 1866 годъ имѣлъ для научной дѣятельности Бруна такое же благодарѣтельное значеніе, какъ упомянутая выше находка надписи въ селѣ Коротномъ. Не забудемъ и того, что Новороссійскій университетъ разрѣшилъ въ высшей степени деликатно и тѣ формальныя затрудненія, которыя все еще препятствовали Филиппу Карловичу воспользоваться всѣми правами университетской службы. Въ 1868 г. совѣтъ удостоилъ его

высшей ученой степени, поднесши ему званіе почетнаго доктора всеобщей исторіи и открывъ ему такимъ образомъ право къ полученію высшихъ профессорскихъ степеней^{*)}). Не могу скрыть, для меня прискорбно то обстоятельство, что, прослуживъ въ университетѣ пять лѣтъ, Брунъ долженъ былъ подать въ отставку и окончилъ службу экстраординарнымъ профессоромъ (въ 1871 г.), т. е. не достигнувъ ординатуры. Званіе ординарнаго профессора было имъ также заслужено, какъ и докторская степень. Последнюю Брунъ могъ бы получить и въ любомъ изъ русскихъ университетовъ, званіе же ординарнаго профессора только въ Новороссійскомъ университетѣ. Повторяю, для меня прискорбно это обстоятельство, и я затрудняюсь разъяснить его себѣ. Но лично для меня представлялся бы также умѣстнымъ вопросъ: почему Брунъ не избранъ былъ въ члены академіи наукъ? — Его ученая компетентность соотвѣтствовала бы и этой высокой чести, а не только званію ординарнаго профессора. По всей вѣроятности, нужно приписать первоначальному составу Новороссійскаго университета то обстоятельство, что Бруну не только не воздаво было все должное въ періодъ его пятилѣтней службы въ университетѣ, но даже отнята была у него возможность баллотироваться на второе пятилѣтіе въ 1871 г. Что главнѣйшіе мотивы, которыми руководился тогдашній совѣтъ университета въ сужденіи о Брунѣ были случайнаго и временнаго свойства, видно изъ того, что Брунъ какъ профессоръ и руководитель оставался незамѣненнымъ для факультета до самой своей смерти. Въ теченіе девяти лѣтъ онъ ежегодно приглашаемъ былъ пре-

*) Службѣ въ университетѣ онъ обязанъ былъ многими отрадными событіями въ жизни. Укажу хоть на его путешествіе на археологическій съездъ въ Москвѣ въ 1869 г., при чемъ онъ воспользовался командировкой университета соединенной съ денежной выдачей въ 500 р., для путешествія въ Петербургъ и за границу, гдѣ имѣлъ удовольствіе видѣться съ друзьями юности и съести знакомство съ свѣтлыми науки, завязать такимъ образомъ сношенія съ иностранными учеными, что не могло не отразиться весьма выгодно на его дальнѣйшихъ ученыхъ предпріятіяхъ.